

**Яков
УХСАЙ**

В апреле 1908 года в городе Симбирске вышел в переводе на чувашский язык небольшой сборник произведений Лермонтова. Это было событие в культурной жизни нашего народа. Книга была издана И. Я. Яковлевым, великим чувашским просветителем, начавшим свою яркую педагогическую деятельность при поддержке своего близкого друга И. Н. Ульянова — отца Владимира Ильича.

Кто
Толпе мои расскажет думы? —

на этот гордый вопрос Лермонтова в Чувашии ответил основоположник нашей литературы Константин Иванов. В 1908 году он рассказал своему родному народу бунтующие думы Лермонтова — перевел его «Песню про купца Калашникова» и шесть стихотворений, в том числе такие шедевры лермонтовской лирики, как «Парус» и «Ангел». Этот сборник переводов первым и надежным камнем лег в основу чувашского литературного языка.

Как известно, Белинский в «Песне про купца Калашникова» видел отражение богатырской удали русского народа и утверждал, что лермонтовское творение настолько национально-самобытно, что вряд ли оно может быть переведено на какой-либо другой язык: при всяком, даже талантливом, переводе оно потеряет свой смысл, свой колорит, свою прелесть. Юноша Иванов (ему было всего лишь восемнадцать лет) сумел лермонтовский «железный стих» разобрать на узлы и звенья и потом снова собрать его воедино — уже средствами своего родного языка. Ивановский перевод «Песни про купца Калашникова» — это истинно лермонтовское произведение и в то же время это шедевр чувашской поэзии.

В апреле 1940 года исполнилось пятьдесят лет со дня рождения Константина Иванова, но юбилей по разным причинам откладывался до осени, а потом и до зимы. Мне тогда, поэту почти лермонтовского возраста, предстояло выступить с докладом «Константин Иванов и русская литература». Перед открытием юбилейного заседания я бродил по заснеженным чебоксарским улицам и вдруг в свисте ледящего ветра, в буре, играющей над городом, я услышал радио. Кто-то нараспев, чуть староватым голосом читал чувашский перевод лермонтовской поэмы. Казалось, что какой-то мудрый человек рассказывает о былях старого времени, и его рассказ сопровождается гуслирным звоном бури, играющей в телеграфных проводах. Как замороженный, я простоял до конца довольно длинной радиопередачи, не чувствуя ветра и холода. Потом уже, в перерыве юбилейного заседания, работники чувашского радиокomiteта познакомили меня с замечательным народным сказителем, прочитавшим лермонтовскую поэму, ни разу не заглядывая в текст. Он оказался шестидесятипятилетним Захаром Ивановым, простым колхозником из деревни Юманай Шумерлинского района.

После ивановского юбилея мне не раз приходилось встречаться с ним и слушать его выступления, и каждый раз меня очаровывало искусство этого полуграмотного старика, познавшего так много горя в своей жизни, «где только камни не плакали», и сохранившего так много мудрости и истинного вдохновения. Еще тогда я понял, что Лермонтов оказал и продолжает оказывать огромное влияние на чувашскую литературу и на творчество народа.

Я познакомился с Лермонтовым давно, в родном селе, затерянном в Уральских горах. Мне посчастливилось родиться в том селе, где родился Константин Иванов. Когда я выучил несколько русских слов и произносил их со свойственной чувашскому языку мягкостью, на столе Квинтильяна — родного брата Константина Иванова — увидел книгу с портретом молодого офицера. Поскольку в нашем селе, что находилось на большом Казанско-Уральском тракте, в годы гражданской войны побывали офицеры всех мастей, в том числе нарядно одетые каппелявцы, причинявшие народу неисчислимые бедствия и горе, мое мнение об офицерах было самое презренное, но все-таки этот офицер чем-то мне очень понравился.

В его поэзии мне, мальчишке в самотканой рубашке, помог разобраться Квинтильян, давая читать ивановские переводы произведений Лермонтова и объясняя, что Константин Васильевич был без ума от этого офицера, осмелившегося выступить против самого царя и убитого этим же царем. Немного позже, в школе крестьянской молодежи, я серьезно подружился с молодым офицером, не расставался с его книгой и сам писал стихи на манер его юношеских стихотворений.

Я не расставался с лермонтовским однотомником и позже, на войне, и сейчас, когда пишу эту статью, в моем деревенском домике на столе лежит его томик — по давней привычке не разлучаться с любимым поэтом и другом иногда заглядываю в его стихи и изумительную прозу.

Я люблю в лермонтовском творчестве Казбек и Эльбрус, Демона и демонического Азамата, но мне не менее близки строки из его стихотворения «Родина» с образами четы белеющих берез. И сейчас, когда мой возраст стал почти вдвое больше лермонтовского, я думаю, что очень почетно считать себя его прилежным учеником.

Село Карачево Чувашской АССР